

ВЕНЕЦИАНСКИЙ СИНДИКАТ

РУСЛАН МАХМУДОВ

Руслан Махмудов

Венецианский синдикат

«Автор»

2026

Махмудов Р.

Венецианский синдикат / Р. Махмудов — «Автор», 2026

В Венеции гондолы скользят над крышами, а каналы наполнены густым магическим эфиром. Гильдии держат в своих руках каждый воздушный маршрут. Без их разрешения не взлетит ни одна лодка. Мошенник Маттео получает выгодный заказ: выкрасть из Дворца Дожей чертежи механического двигателя, способного поднимать суда без помощи магов. Вместе с гондольером, печатницей, бывшей ученицей гильдии и дочерью изобретателя он готовит аферу. Настоящие документы должны открыть двери, поддельные — скрыть намерения, а тщательно отрепетированные роли — обмануть дворцовую стражу. Но у заказчицы свои планы на изобретение. Команде предстоит решить, кому достанутся чертежи и ради чего стоит рисковать. А Маттео придётся встретиться с последствиями старой подделки, о которой он предпочёл бы забыть. Воздушные погони, опасные испытания и борьба за технологию, которая может изменить город. Украсть чертежи — лишь начало.

© Махмудов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой груз	6
Глава 2. Цена предложения	10
Глава 3. Дочь механика	15
Глава 4. Свидетель без печати	20
Глава 5. Бумажный след	24
Глава 6. Две двери	28
Глава 7. Не тот человек	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Руслан Махмудов

Венецианский синдикат

Венецианский синдикат
Руслан Махмудов

Глава 1. Чужой груз

Бальди обещал принести деньги к восьми. В половине девятого он появился у причала с двумя носильщиками и сделал вид, что не заметил Маттео.

Маттео дал ему пройти три шага.

— Хороший день для расчёта, — сказал он.

Бальди остановился. Носильщики едва не ткнули его в спину длинным ящиком.

— Ты здесь зачем?

— Посмотреть, как человек забывает долг. Хотелось увидеть это вблизи.

Бальди улыбнулся. На его зелёном камзоле блестела новая серебряная застёжка. Маттео посмотрел на неё, потом на ящик. Два заказа, которые он переписал для Бальди, стоили восемь дукатов. Работы было на две ночи: подобрать бумагу, изменить число тюков, свести новую строку со старой подписью. Застёжка могла стоить столько же.

— Приходи вечером.

— Вчера вечером ты велел прийти утром.

— Здесь люди.

— Поэтому я говорю тихо.

За спиной Бальди по каналу тянулся хлебный баркас. Его днище почти касалось серебряистой поверхности. В тени домов эфир казался мутным стеклом; на солнце в нём виднелись длинные золотые полосы. От пролёта моста спускались три цепи с бронзовыми кольцами. Баркас проходил под нижним кольцом, а маленькая лодка с лекарским знаком поднялась к среднему, скользнула вдоль фасада и исчезла между крышами.

Маттео любил этот причал. Здесь всем что-нибудь требовалось: подпись, место в очереди, ещё один носильщик. Нужда делала людей разговорчивыми. Сегодня разговорчивость Бальди закончилась на обещании вечера.

— Положите, — велел тот носильщикам.

Они опустили ящик на камень. Один выпрямился, держась за поясницу.

Бальди отвёл Маттео к стене.

— Послушай. Заказчик задержал платёж. Ты получишь своё.

— Дай четыре сейчас.

— У меня нет.

Маттео протянул руку к застёжке.

Бальди отшатнулся.

— Ты совсем обнаглел?

— Я могу принять вещь в залог.

У лестницы появилась лодка сборщика. Белая полоса на борту, два гребца, писец с книгой под мышкой. Бальди сразу поправил камзол.

— После проверки поговорим.

Он пошёл к ящику и достал из рукава сложенный лист. Маттео остался у стены. Ему хотелось уйти, но восемь дукатов были почти всей платой за следующий месяц. Хозяин мастерской уже дважды напомнил о сроке.

Писец поднялся на причал. Он был молод, с красными пятнами на шее над воротом. Прежде чем взять лист Бальди, он тщательно вытер пальцы о платок.

— Что в ящике?

— Образцы медных труб. В Арсенал.

— Масса?

— Здесь написано.

Писец прочёл, перевернул лист и поднёс к свету.

Маттео невольно выпрямился.

На верхнем сгибе проступала выскобленная строка. Её замазали клеем и мелом, а новый текст провели по ещё сырой поверхности. Под солнечным лучом старые буквы выглядели серыми. Грубая работа. Маттео мог бы заметить её и с другого конца причала.

Писец провёл ногтем по строке.

— Взвесить.

Бальди начал что-то объяснять. Писец повторил приказ, уже гребцам. Они вынули из лодки переносные весы и принялись протягивать ремни под ящиком.

Маттео отступил к ступеням. Его листы были у Бальди в другом кармане; оба относились к прошлой неделе. Если сейчас начнут проверять всё подряд, разговор о долге придётся отложить надолго.

На самом нижнем камне сидел Нико Вальер и чистил ножом яблоко. Он кивнул Маттео.

— Опять пришёл читать чужие бумаги?

— Жду денег.

— Значит, надолго.

У кормы его «Ласточки» стояли плетёные корзины, а под скамьёй торчала пара детских башмаков. Женщина в лодке обнимала мальчика лет шести. Рядом, нахмурившись, сидел пожилой мужчина с забинтованной рукой.

— Ты уже загружен, — сказал Маттео.

— Довезу их до лекаря, потом повезу корзины. А ты отойди, если хочешь и дальше ждать.

Они сейчас поднимут ящик.

Ремни натянулись. Один гребец присвистнул. Писец наклонился к рискам на коромысле.

— Семьдесят два, — сказал он. — У вас тридцать шесть.

— Весы неверные.

— Вскрыть ящик.

Бальди схватил лист со стола весов. Писец удержал край, бумага треснула. В следующую секунду Бальди толкнул его в грудь и бросился к мосту.

— Держи! — крикнул писец.

Маттео успел отступить. Бальди задел плечом носильщика, перемахнул через пустую корзину и исчез за аркой. Один из гребцов побежал следом. Другой ударил молотком в подвешенный к причалу колокол.

С моста ответили двумя короткими ударами.

Нико поднял голову.

— Закрывают участок.

Бронзовые кольца над каналом дрогнули. В золотых полосах эфира появились тёмные промежутки. На соседнем причале человек в жёлтом плаще начал разворачивать лодку к выходу.

— Сколько у тебя времени? — спросил Маттео.

— Пока не опустят верхний заслон. Минут пять. Убери корзину от носа.

Маттео перетащил корзину на следующую ступень. Нико оттолкнулся шестом, и «Ласточка» вышла из-под лестницы. Мальчик перестал крутить башмаками. Женщина прижала его к себе крепче.

— Сиди ровно, — сказал ей Нико. — Всё успеем.

Над аркой вынырнула грузовая гондола.

Она шла слишком низко и боком. Ящики на её палубе были сложены почти до плеч рулевого. От одного борта тянулась связующая нить, яркая у кормы и совсем тусклая впереди. Маттео видел, как рулевой повернул бронзовую рукоятку подъёма. Гондола дёрнулась, но высоты не набрала.

— Не трогай подъём! — крикнул Нико.

Рулевой их не услышал. Он ещё раз потянул рукоятку на себя.

Сухо хлопнуло. Нить погасла.

Гондола опустилась на эфир и продолжила идти по инерции. Её нос был направлен прямо на «Ласточку».

Нико упёрся шестом в каменную стену. Древко согнулось. Его лодка ушла боком, но грузовая уже закрывала выход с причала. На её палубе сорвался верхний ящик. Он ударил рулевого под колени; тот упал и исчез за грузом.

Маттео спустился на нижнюю ступень.

— Конец! — крикнул он.

Нико бросил ему носовую верёвку. Маттео намотал её на железный штырь у лестницы. Рывок ободрал кожу на ладони. «Ласточка» замерла в двух шагах от стены. Грузовая прошла мимо её носа, задела борт и ударилась в выступ причала.

Старик в пассажирской лодке охнул. Женщина вскрикнула, когда её сын ударился затылком о грудь. Нико держал шест поперёк лодки, не давая ей развернуться.

— Затягивает к заслону, — сказал он. — Отпусти на полшага.

Маттео стравил верёвку. Ладонь горела. За мостом поток собирался в узкую светлую полосу: последние лодки уходили из закрываемого участка. После них среда у причала должна была осесть. «Ласточка» останется внизу, между каменной стеной и тяжёлой грузовой гондолой.

— Мешок, — сказал Нико женщине. — Под твоей скамьёй. За кожаную ручку.

Она нащупала ручку, но вытащить мешок не смогла.

Маттео закрепил верёвку вторым оборотом и спрыгнул в лодку. Нико выругался.

— Мне ещё твоего веса не хватало.

— Зато у меня две руки.

— Одну ты уже испортил.

Маттео опустил на колени. Под скамьёй лежал кожаный баллон размером с хлебный мешок. Рядом в гнезде была короткая бронзовая трубка. Он не знал, как соединить их, и передал оба предмета Нико.

Тот зажал шест под мышкой, вставил трубку в клапан и повернул кольцо. Баллон опал. По днищу побежали тонкие золотые жилки.

— Верёвку, — сказал Нико.

Маттео перебрался обратно на ступень. Пальцы плохо слушались. Он снял петлю со штыря, отпустил конец и поймал край борта, когда лодка начала подниматься. Нико схватил его за ворот и втянул внутрь.

Нос «Ласточки» поднялся выше грузовой гондолы. Под кормой что-то скрежетнуло. Они прошли над застрявшим рулевым; тот уже стоял и держался за ящик.

— Один подъём! — крикнул Нико. — Дальше не тяни, садись у лестницы!

Грузовой рулевой махнул им рукой. Нико не стал ждать ответа. Он прижал рукоятку к средней риске. «Ласточка» двинулась над каналом, ниже подоконников первого этажа.

Маттео смотрел на баллон. Он стал совсем плоским.

— Хватит?

— До выхода. Если не будешь задавать вопросов, быстрее не получится, но мне будет приятнее.

У моста они едва не столкнулись с пустой лодкой. Нико провёл «Ласточку» под каменной аркой, где светлая полоса ещё держалась. Впереди канал снова был ровным и серебристым. Лодка опустилась на него. Женщина медленно разжала руки, и мальчик заплакал.

— Покажи голову, — сказал Маттео.

Мальчик отвернулся.

— Он лекаря боится, — объяснила мать.

— Я тоже. Особенно когда приходит время платить.

Мальчик посмотрел на него. Маттео осторожно раздвинул волосы на затылке: кожа была цела. Женщина благодарила Нико, потом его, потом опять Нико. Маттео не знал, куда деть окровавленную руку, и спрятал её под локоть.

На следующем причале старик попросил высадить его.

— До лекаря осталось два поворота, — сказал Нико.

— Пешком дойду.

Он поднялся с помощью Маттео и ушёл, не оглянувшись. Платить не стал. Нико посмотрел ему вслед, но ничего не сказал.

Когда женщина с ребёнком сошла у дома лекаря, Маттео наконец сел на освободившуюся скамью.

— С тебя новый мешок, — сказал Нико.

— Я спас тебе лодку.

— И забрался в неё. У тебя есть чем перевязать руку?

Маттео вынул платок. Нико взял его, развернул чистым краем наружу и затянул узел над ладонью.

— У Бальди разрешение было твоё? — спросил он.

Маттео покачал головой.

— Не это.

Нико перестал затягивать узел.

— Значит, другие были.

Маттео посмотрел на свои ботинки.

— Два товарных списка. Без грузового допуска.

— По твоему списку груз и принимают.

— Я знаю.

Нико отпустил его руку. Некоторое время слышно было только, как шест касается стенки канала.

У поворота на Сан-Поло на мосту стояли двое стражников. Один держал раскрытый лист. Второй смотрел на лодки.

— Синий камзол, — произнёс он, когда «Ласточка» подошла ближе. — Левую руку покажи.

Нико не стал отводить глаза или менять ход. Он подвёл лодку к лестнице.

Маттео встал. Из-под платка капнула кровь.

Стражник сравнил его лицо с каким-то описанием, потом сложил лист.

— Маттео Рива?

— Смотря кому нужен.

— Хозяину мастерской в переулке за пекарней. Он уже назвал тебя по имени. Пойдём.

Маттео посмотрел на Нико. Тот стоял у кормы с шестом в руках.

— За мешок я верну, — сказал Маттео.

— Сначала вернись сам.

Глава 2. Цена предложения

Стражники не связали Маттео. Один шёл впереди, другой на полшага сзади, и прохожие сразу понимали, что прогулка не добровольная.

У переулка за пекарней пахло горячим хлебом. Маттео ещё утром собирался купить здесь две лепёшки. Теперь он надеялся пройти мимо так, чтобы пекарь его не увидел.

Хозяин дома стоял у мастерской. Он был в домашней туфле на одной ноге и сапоге на другой. Видимо, вышел посмотреть на стражу и так торопился, что не успел переобуться.

— Вот он, — сказал хозяин. — Я вам говорил, что придёт.

Дверь была открыта. Внутри человек в сером сидел за столом Маттео и рассматривал перья. Ещё один складывал бумагу в корзину.

— Не смешивайте чистую с исписанной, — сказал Маттео.

Человек с корзиной посмотрел на него и продолжил складывать.

Мастерская занимала заднюю комнату нижнего этажа. Высокое окно выходило в узкий промежуток между стенами. До полудня свет попадал на левую половину стола; потом приходилось ставить лампу. Вчера Маттео заточил перья, приготовил клей и выровнял стопку бумаги камнем. Сейчас камень лежал на полу, а лампа стояла на чужом плаще.

Человек в сером поднялся.

— Вы Рива?

— Да.

— Переписываете торговые документы?

— Письма, счета, просьбы. Всё, за что платят.

— С Бальди работаете?

Маттео посмотрел на хозяина. Тот потёр рукав, будто желал незаметно стереть с него своё участие в разговоре.

— Переписывал для него списки товара.

— Когда?

— На прошлой неделе.

Человек положил на стол два листа. Маттео узнал их сразу. Бальди, видно, бросил сумку перед тем, как бежать; иначе оба документа ушли бы вместе с ним.

— Это ваша работа?

— Мой почерк.

— У нас есть старые списки. В них больше тюков.

— Мне принесли новые числа.

— А старые выскоблили вы?

Маттео промолчал.

Человек в сером сел. Он не был похож на писца с причала. Никаких красных пятен, никакого платка для пальцев. На столе перед ним лежала тонкая книга, и он иногда опускал на неё ладонь, прежде чем задать вопрос.

— Я Бенедетто Фалько, помощник надзорного писца, — сказал он. — Сейчас мне нужно установить, кто изменил грузовой допуск для медных труб. Носильщик Бальди видел, как вы разговаривали с ним перед проверкой. Где этот лист делали?

— Не здесь.

— Почему я должен вам верить?

— Не должны. Посмотрите на скобление. Там бумагу почти прорезали, потом покрыли мелом. Я так не делаю.

Фалько поднял бровь.

Маттео закрыл рот. Хозяин за его спиной тяжело вздохнул.

— То есть делаете иначе, — сказал Фалько.

— Я чиню бумагу. В торговых конторах часто ошибаются.

— Ошибка была в половине груза.

— Я этого листа не писал.

Фалько внимательно посмотрел на его перевязанную руку.

— Где порезались?

— На верёвке. Мы выводили пассажирскую лодку из закрываемого участка. Спросите Нико Вальера, он возит к лекарю у большого колодца.

Фалько записал имя. Потом велел Маттео сесть на табурет у двери и продолжил разбирать стол.

Двое стражников остались снаружи. Через открытую дверь Маттео видел, как пекарь перешёл переулок и заговорил с одним из них. Не смотреть в его сторону оказалось труднее, чем отвечать Фалько.

Маттео сидел, прижав больную руку к животу. За вырезом камзола тёрся о кожу жёсткий уголок сложенной бумаги. Четыре года он носил этот лист в плоском внутреннем кармане. Сначала думал, что выбросит его через неделю. Потом срок всё отодвигался.

На листе были два числа, имя Антонио и чужая торопливая подпись. Подпись подтверждала получение платы за подложный допуск. Маттео сохранил её после аварии, когда обещал себе выяснить, что произошло на причале. До причала он так и не дошёл. Бумага осталась при нём.

Фалько выбрал пять образцов его письма и два листа с исправленными числами. Остальное разрешил оставить. Маттео получил записку с приказом явиться на следующий день после полудня. Покидать город до сравнения документов запрещалось.

— Если найдём ваше письмо на грузовом допуске, разговор будет другой, — сказал Фалько.

— Не найдёте.

— Хорошо бы.

Он ушёл со стражниками. Маттео поднял камень и положил обратно на стопку. Лампу вернул к окну. Плащ оказался хозяйским.

— Замок сегодня меняю, — сказал хозяин.

— Они ничего не доказали.

— А я не судья. Ты обещал внести за комнату вчера.

— Мне должны восемь дукатов.

— Теперь я знаю, кто именно.

Хозяин протянул руку. Маттео посмотрел на неё.

— Ключ.

— Дай мне до вечера.

— Дам тебе забрать инструменты. Бумага останется в залог. И стол мой.

Маттео снял с пояса ключ. Хозяин проверил, единственный ли он на кольцо, и убрал в кошель.

Перья, нож и линейка поместились в небольшой кожаный свёрток. Составы для чернил Маттео забрал в двух пузырьках. Третий хозяин оставить не позволил: за него тоже было не уплачено. Сменную рубаху и одеяло Маттео спрятал под мышкой. Через десять минут дверь закрылась за ним, а слесарь из соседнего дома уже принёс коробку с новым замком.

Пекарь отвернулся, когда Маттео подошёл к его окну.

— Одну лепёшку, — сказал Маттео.

— Деньги вперёд.

Он выложил последнюю мелкую монету. Хлеб был горячий; держать его больной рукой не получалось. Маттео зажал лепёшку зубами, перекладывая пузырьки.

— Помочь вам? — спросил кто-то.

У стены стоял невысокий человек в коричневом плаще. На нём не было ни цепи, ни оружия. Его сапоги, однако, выглядели так, будто ни разу не касались мокрой мостовой.

— Если хотите держать хлеб, кусать запрещено, — сказал Маттео, забрав лепёшку здоровой рукой.

Человек улыбнулся.

— Синьора Морозини просит вас зайти.

Маттео посмотрел на свёрток, на новую скважину в двери, потом опять на человека.

— Она всем писцам города предлагает зайти в день выселения?

— Я пришёл раньше. Пришлось ждать.

— И вы не подумали помочь?

— Вмешиваться в работу надзора было бы неуместно.

— Зато теперь самое время.

— Меня зовут Марко Серан. Я управляю делами синьоры. Если вы заняты, передам, что сегодня не смогли.

Маттео откусил хлеб. Он не собирался показывать, насколько мало у него занятий.

— Что ей нужно?

— Документы.

— Какие?

— Она объяснит сама.

До дома Морозини они добирались на крытой лодке. Серан заплатил гондольеру ещё до отхода. Маттео заметил действующий связующий на корме: три ровные светящиеся нити сходились к бронзовой пластине. Лодка могла подниматься, но Серан попросил вести по нижнему каналу. Маттео был ему за это благодарен.

У пристани дворца его попросили вытереть обувь. Прислуга забрала одеяло и рубаху; нож остался в свёртке, который Серан положил на скамью у дверей. В комнате на верхнем этаже стояли два стола. На одном лежали образцы тканей, на другом — раскрытые книги со столбцами чисел.

Вероника Морозини была старше, чем предполагал Маттео. Он видел её однажды на празднике с расстояния в полплощади и запомнил жемчуг. Сейчас жемчуга на ней не было. Она сидела у окна в тёмном платье и ножницами срезала узел с бечёвки, которой была перевязана пачка счетов.

— Поставьте ему стул, — сказала она Серану. — И принесите воды для руки.

Маттео сел. Ему дали таз, чистую ткань и чашку вина. Ладонь оказалась ободрана длинной полосой, но порез был неглубокий.

— Утром меня искали стражники, — сказал он. — Возможно, вам нужен другой переписчик.

— Переписчики у меня есть.

Она закончила с бечёвкой и отодвинула счета.

— Мне рекомендовали вас как человека, который умеет исправлять трудные ошибки.

— Смотря чьи.

— Ошибку людей, выбравших место хранения для чужой собственности.

Маттео положил мокрую ткань на край таза.

— Вы хотите что-то украсть.

— Вернуть в оборот.

— Моей сегодняшней работой уже интересуются. За красивое название новой они не станут спрашивать меньше.

Морозини кивнула Серану. Тот закрыл дверь, но остался в комнате.

— Вы слышали о Пьетро Ферро? — спросила она.

— Механик. Попал в заключение.

— Умер там полгода назад. Его чертежи лежат в особом хранилище Дворца дожей. Через девять дней союз гильдий получит право использовать их по утверждённой привилегии.

— Зачем гильдиям чертежи механика?

— Он построил подъёмное устройство, которому не нужен связующий.

Маттео посмотрел на Серана. Тот стоял возле дверей и не шевелился.

— Не нужен чей-нибудь связующий, — уточнил Маттео, — или вообще никакой?

— Никакой.

— Оно работает?

— Малый образец работал. Гильдии прекратили опыты. Я хочу их продолжить.

Она вынула из ящика небольшой кошель и положила на стол. Звук монет заставил Маттео посмотреть вниз раньше, чем он успел решить, что не станет смотреть.

— Двадцать дукатов сейчас. Сто восемьдесят после передачи полного комплекта. Расходы на перевозку и законные разрешения оплачиваю отдельно, по согласованным счетам.

— Вы говорите об особом хранилище. Почему не купить чертежи у того, кто его охраняет?

— Их охраняет больше одного человека. И никто из них не имеет права продавать.

— Тогда почему вы решили, что я добуду?

— Потому что печати ставят на бумаги, а бумаги готовят люди. Вы умеете работать с обеими сторонами этого дела.

— Эфирную печать я не подделаю.

— Я и не прошу.

Морозини пододвинула к нему лист с несколькими строками.

— Это условия. Прочтите.

Маттео прочёл дважды. Комплект требовалось передать неповреждённым, без копий у исполнителей и посредников. Морозини не принимала ответственность за нарушение закона исполнителем. Аванс считался платой за подготовку; вернуть его требовалось лишь при продаже сведений третьей стороне. Деньги за результат выплачивались после сверки всех листов.

— Вы хорошо устроились, — сказал он.

— Я хорошо плачу.

— Даже не указано, сколько листов.

— Это вам предстоит установить. Серан передаст сведения, которыми мы располагаем. Они неполные.

Маттео перевернул лист. С другой стороны ничего не было.

— Если я откажусь?

— Вы получите пять дукатов за молчание. И уйдёте.

Он подумал о записке Фалько. Завтра после полудня нужно будет явиться к надзорному писцу. Уехать пока нельзя. Остаться тоже было негде.

— Мне понадобятся люди.

— Вы отвечаете за них.

— Тогда из двухсот я плачу всем?

— Да.

Маттео сдвинул кошель ближе к листу.

— Двести сорок. Сверх расходов. И аванс тридцать.

Морозини впервые улыбнулась.

— Двести двадцать. Аванс двадцать пять. За сегодняшнее происшествие на причале я не плачу.

— Я не включал его в счёт.

— Вот и хорошо.

Серан достал новый лист. Маттео прочёл исправленную сумму и поставил имя. На миг ему показалось странным подписывать настоящий договор своим настоящим почерком.

Морозини подождала, пока чернила подсохнут.

— С какой стороны вы начнёте? — спросила она.

Маттео взял кошель.

— Найду человека, который скажет, стоит ли вообще забирать эти чертежи.

— Дочь Ферро живёт в Каннареджо, — сказала Морозини. — Серан даст адрес.

— Вы уже были у неё?

— Посылала предложение. Она отказалась.

Маттео убрал кошель за пояс.

— Почему?

Морозини вернулась к пачке счетов.

Глава 3. Дочь механика

Нико нашёлся на своём причале. Он сидел на корточках возле «Ласточки» и проверял царапину на борту. Корзины, которые утром не удалось доставить, стояли на каменной скамье.

Маттео положил рядом три дуката.

— Мешок, твой потерянный рейс и помощь с рукой.

Нико посмотрел на монеты, потом на него.

— Бальди поймали?

— Нет.

— Тогда кто тебе заплатил?

Маттео оглядел причал. На верхней ступени Беппе перетягивал корзины верёвкой. Больше поблизости никого не было.

— Отвези меня в Каннареджо. Объясню по дороге.

— А корзины за меня отвезёшь ты?

Маттео вздохнул.

— Ладно. Сначала корзины.

Они сделали два рейса к лавкам. На первом хозяйка долго пересчитывала товар, на втором приказчик отказался платить за доставку, потому что ожидал её утром. Маттео вступил в разговор и добился половины платы. Нико выслушал его доводы, взял монеты и, отойдя от лестницы, сказал:

— Теперь у него есть причина в следующий раз заплатить половину.

— Зато сегодня у тебя есть хоть что-то.

— Сегодня. Ты только так считаешь?

Маттео не ответил. Беппе остался у лавки с пустыми корзинами: позже хозяева должны были отдать упаковку. Нико повёл лодку на север.

О делах Морозини Маттео рассказал, когда они миновали людный мост. Он не назвал места хранения, пока Нико не спросил сам.

— Во дворце, — сказал Маттео.

Нико перестал работать шестом. «Ласточка» продолжила скользить по каналу.

— А ты говорил, тебя только допросили.

— Меня и допросили.

— Значит, удар по голове был раньше.

— Мне нужен гондольер.

— В городе много гондольеров.

— Хороший.

Нико упёрся шестом в край мостовой и вернул лодку к середине канала.

— Хороший скажет тебе не лезть во дворец.

Маттео положил руки на колени. Платок уже присох к ладони.

— Пока я хочу поговорить с дочерью механика. Если она скажет, что её отец строил игрушку, верну остаток аванса и найду другую работу.

— Остаток?

— Ты сидишь рядом с тремя дукатами, Нико.

Тот потрогал карман. Потом покачал головой и поднял шест.

Дом Ферро стоял в конце узкого бокового канала. Нижняя дверь была обита железными полосами. В одной из них зияли две пустые дырки от сорванной печати. На верхнем этаже сушилась рубаха, а из трубы выходил почти прозрачный дым.

Маттео постучал.

За дверью что-то упало. Женский голос выругался, затем спросил:

— Кто?

— Маттео Рива. Хочу поговорить о работе вашего отца.

— Он умер.

— Я знаю. Пришёл не к нему.

Засов скрипнул. Дверь открылась настолько, чтобы показалось лицо молодой женщины. На её скуле было чёрное пятно, а короткие волосы у лба слиплись от пота.

— Вы от Морозини?

Маттео решил не начинать знакомство с ложью, которую можно проверить за полминуты.

— Она платит за мою работу.

— Я уже дала ответ.

— Мне ещё нет.

Женщина посмотрела через его плечо на Нико, потом на лодку.

— Что с рукой?

— Верёвка.

— Не трогайте здесь ничего этой рукой. Присохнет к металлу, потом будете винить меня.

Она открыла дверь.

В мастерской пахло углём, нагретым железом и уксусом. Вдоль стены лежали трубы разной толщины. На полках стояли банки с порошками; на одной вместо крышки лежало перевернутое блюдо. Посередине помещался верстак. Над ним висела деревянная рама, а с неё на четырёх шнурах — бронзовое кольцо с белыми пластинами внутри.

Маттео сделал шаг к кольцу.

— Не под него, — сказала Ада. — Сегодня оно дважды падало.

Он остановился.

Нико остался у двери, оперев шест о стену.

— Я Ада, — сказала хозяйка. — Вы хотели поговорить. Говорите.

— Морозини утверждает, что ваш отец сделал устройство для подъёма без связующего.

— Сделал.

— Она видела его в работе?

— Её управляющий видел. Отец позволил ему присутствовать при опыте. Потом тот привёл другого человека, уже из гильдии. Нам говорили о совместной работе.

Она взяла лежавший на верстаке ключ и повернула гайку возле рамы.

— После совместной работы отца увели, а бумаги забрали. Мне оставили вещи, которые не сочли ценными. Вот это кольцо, например. У него трещина, видите?

Маттео видел лишь тонкую тёмную черту на белой пластине.

— Его можно починить?

— Пластину можно заменить. Разговор у нас о чём? Вы предлагаете продать мастерскую?

— Нет. Я собираюсь забрать чертежи.

Ключ в её руке перестал двигаться.

— Из хранилища?

— Если получится.

— У вас есть разрешение?

— Пока нет.

— А потом будет?

— Потом будет то, с чем нас впустят.

Ада положила ключ.

— И Морозини об этом знает.

— Она сама предложила.

Ада повернулась к Нико.

— Вы тоже собираетесь?

— Пока я его привёз, — сказал он. — И, если потребуется, увезу к лекарю.

Маттео поставил свёрток с инструментами на свободный край стола.

— Мне нужно понять, что мы забираем. Слова «устройство для подъёма» звучат хорошо. Но если это кольцо летает только над собственным верстаком, я не стану рисковать людьми.

Ада посмотрела на кольцо, словно услышала о нём обидное, но точное замечание.

— Само оно не летает. При исправной пластине может поднять свой вес и небольшой груз. Под раму ставится угольная жаровня с малым котлом. Пар из котла приводит рычаг мехов. Они гонят воздух через решётку, а пластины удерживают из него эфир.

— В воздухе достаточно эфира?

— Над каналом больше. Под крышей меньше. Здесь приходится дольше греть.

Она указала на два кожаных меха возле верстака. От них к кольцу тянулись узкие трубы. Другие, более толстые, соединяли котёл с приводом и обратным сосудом, в котором пар остывал до воды.

— Движение пластин согласует регулятор. Это самый трудный узел. При ручном ходе я успеваю следить за ним, пока груз мал. Для лодки ручного хода не хватит.

— Он у гильдий?

— Расчёт у них. Отец работал над ним здесь, но последние листы унёс на испытание. Мне не вернули ни одного.

Нико подошёл ближе.

— А ты сама не считаешь?

— За год, возможно. Или за пять лет. За девять дней — нет.

Маттео посмотрел на неё.

— Ты знаешь о сроке.

— Вчера пришло уведомление о регистрации. От меня требуют подтвердить, что я получила извещение. И больше ничего.

Она достала из-под банки лист и протянула ему. На нём было имя Пьетро Ферро, дата, номер пакета и длинная строка о передаче права пользования союзу гильдий. Номер Маттео запомнил.

— Здесь написано, что авторство сохранится.

— В книге хранилища. Я спросила, будет ли имя отца на устройстве. Мне сказали, это вопрос производства. Морозини раньше хотела купить оставшиеся детали и убрать меня из мастерской. Я отказалась.

— За чертежи она платит гораздо больше.

— Вам.

Ада забрала уведомление и вернула под банку.

Маттео подошёл к раме сбоку.

— Покажешь, что оно делает?

— Не с треснувшей пластиной.

— А другая есть?

— Есть. Её нужно подогнать и поставить. Это работа до вечера. Я не собиралась делать её для развлечения гостей.

Нико поднял с пола пустой угольный мешок, заглянул внутрь и повесил на крюк. Он не стал говорить, что понял.

Маттео развязал кошель и отсчитал два дуката.

— За работу и материалы. Покажешь исправное устройство завтра. Если оно не поднимет даже небольшого груза, дальше говорить не о чем.

Ада не взяла деньги.

— А если поднимет?

— Тогда ты нужна нам, чтобы сверить комплект. Я отличу настоящую печать от плохой. Чертежи — нет.

— Я хочу быть при передаче.

— Это можно устроить.

— И получить возможность закончить двигатель. Здесь. Со своими инструментами. Имя отца должно остаться на чертежах и на машине.

Маттео медленно затянул кошель. Морозини не обещала ничего подобного. Она обещала деньги за неповреждённый комплект.

— Я передам ей условия.

— Вы можете обещать только это?

— Сейчас да.

Ада кивнула. Потом взяла два дуката и убрала в жестяную коробку.

— За сегодняшний труд. Остальное обсудим после ответа.

Нико обошёл верстак и заглянул под жаровню.

— На лодке куда это ставится?

— Нагреватель под защитный кожух. Отдельно от дерева, на керамическую подкладку. Воздух подаётся снаружи, дым выводится вверх.

— А уголь, мехи и кольцо весят сколько?

— В нынешнем виде слишком много.

— Значит, лодку оно не поднимет.

— Нынешнее — нет. Если поднять весь этот верстак в воздух, толку будет мало. Нужно изготовить другой корпус и регулятор, который не требует человека с ключом каждую минуту.

Она подтолкнула ключ к Маттео.

— Поверните. Только четверть оборота.

Он взял ключ здоровой рукой. Гайка оказалась тугой, но пошла. В кольце тихо щёлкнуло.

— Теперь ещё четверть.

Второй раз гайка не поддалась. Маттео попробовал сильнее.

— Достаточно, — сказала Ада. — Если сломаете зубец, завтра ничего не увидите.

Она забрала ключ и легко вернула гайку в прежнее положение.

— Поэтому я нужна вам не только для сверки. Отец делал всё по своей руке. На бумаге часть привычек не обозначена. Если пакет достанется человеку, который умеет лишь платить, он сперва испортит несколько устройств. Хорошо, если пустых.

Маттео посмотрел на Нико. Тот следил за кольцом с таким выражением, с каким утром смотрел на перегруженную гондолу.

— Ты понимаешь, что тебя могут обвинить вместе с нами? — спросил Маттео.

Ада вытерла ключ тряпкой.

— Когда отца увели, я пошла просить разрешение передать ему лекарства. Мне трижды сказали прийти на следующий день. На четвёртый сказали, что уже не нужно. Теперь я очень внимательно слушаю, когда мне предлагают ждать.

Она положила тряпку возле жаровни, затем переложила подальше. Маттео заметил это маленькое движение: даже говоря об отце, она не оставляла ткань возле огня.

— Но работать без ясных условий я тоже не стану, — добавила Ада. — Завтра после полудня. Приходите с ответом Морозини.

На улице стало прохладнее. Между крышами медленно прошла лодка виноторговца, оставляя тонкую золотую полосу. Нико отвязал «Ласточку», проверил кормовой связующий и дождался, пока Маттео сядет.

— Ну? — спросил Маттео.

— Она знает, чего не умеет.

— Это хорошо?

— Мне нравится больше, чем твои двести двадцать дукатов.

Маттео посмотрел на двери мастерской. За ними уже застучал молоток.

— согласишься, если опыт удастся?

Нико подтолкнул лодку.

— Сначала узнаем, кто вообще сможет открыть нам дверь во дворце. А потом я посмотрю на машину.

— Ты знаешь такого человека?

— Знаю женщину, которая раньше открывала эфирные ворота. Теперь чинит чужие связующие у красильщиков. Если не захочет нас видеть, не уговаривай.

— Почему?

— Потому что однажды её уже уговорили работать с неисправной вещью. И, если спросишь, она покажет тебе руку.

Глава 4. Свидетель без печати

Ливия взяла связующий левой рукой и сразу почувствовала, что его греют слишком долго.

— Когда вам его отдали? — спросила она.

Старуха у прилавка поправила платок.

— Сегодня утром. Заказала вчера.

— У кого?

— У человека. Мне сказали, он раньше работал в Сосуде.

Ливия положила бронзовую пластину на войлок. Светящиеся линии сходились у одного края; середина оставалась тёмной. Она сняла боковую скобу, поддела тонкий ободок и увидела белый порошок в щели.

— Это соль. Он заставил края светиться, но узел не заправил. На лодку ставить нельзя.

— Но я же видела свет.

— Я тоже вижу.

Ливия накрыла пластину ладонью. Линии потускнели, потом снова засветились, когда она убрала руку.

— Свет держится на ободке. Заряд должен проходить сюда, в середину. Сейчас он здесь не держится.

Старуха посмотрела в тёмный кружок, как будто там можно было разглядеть украденные деньги.

— Вернёшь?

— Его нужно зарядить заново. В настоящей мастерской.

— А ты?

Ливия поправила тесёмку на правом запястье. Под ней лежала деревянная накладка, защищавшая два нечувствительных пальца от случайного ожога.

— Мне нельзя.

— Они всем говорят, что нельзя. У моего сына тоже так было. А жить как?

— Дайте мне имя того человека. Если я его знаю, попробую вернуть вам плату.

Старуха достала из рукава маленький бумажный клочок. Имени на нём не было — только знак рыбки и цена. Ливия посмотрела на знак. Уже третий раз за неделю.

Она завернула пластину в войлок, обвязала шнуром и написала на бирке: «Не ставить. Требуется зарядка».

— За ободок не беру, — сказала она. — Но обещать, что вернут деньги, не могу.

Старуха долго убирала свёрток. Когда она наконец ушла, из прохода между красильными чанами вышли двое мужчин.

Нико Ливия узнала. Второго прежде не видела. Он держал левую руку возле пояса; по чистой повязке проступало бурое пятно. На рукаве была дырка, аккуратно зашита ниткой неподходящего цвета.

— Лодка целая? — спросила она Нико.

— Пока да.

— Тогда ко мне зачем?

Нико представил спутника. Маттео Рива поклонился с той лёгкостью, которая Ливии никогда не нравилась в просителях. Такие люди заранее предполагали, что неприятный разговор удастся повернуть в приятный.

— Мне сказали, вы знаете дворцовые эфирные ворота, — произнёс он.

— Нико знает мои цены. Он мог начать с них.

— Мы ничего не принесли чинить, — сказал Нико.

Рива подождал, пока работник красильни пронесёт мимо пустую корзину.

— Можно поговорить там, где нас не услышат?

Ливия указала на заднюю дверь. За ней был двор с колодцем и длинной скамьёй. Здесь сушились шерстяные отрезы, между которыми ветер приносил тяжёлый запах красителя.

Она оставила дверь открытой. Прилавок было видно из двора.

Рива рассказал о предложении Морозини. Несколько раз он произнёс «вынести на проверку», но на третьем Ливия перебила:

— Вы хотите украсть пакет Ферро. Я понимаю.

— Да, — сказал он после паузы.

Так было лучше.

Ливия села на скамью. Нико остался стоять у колодца.

— Что вы уже знаете об охране?

Рива достал лист. На нём было меньше сведений, чем Ливия ожидала: номер пакета, день регистрации, фамилия старшего хранителя и указание на особое хранилище. На обороте стояли две старые даты передачи других предметов. Под ними — название канцелярии, которая выдаёт распоряжения на экспертизу.

— Кто готовил?

— Управляющий Морозини.

— Он знает, что переноса без трёх разрешений не будет?

— Написано: распоряжение канцелярии и согласие хранителя.

— Это бумаги. А ещё есть эфирный допуск. Его подтверждают три гильдии. И даже подтверждённый допуск не открывает дверь.

Рива перевёл взгляд на неё.

— Что открывает?

— Люди с ключами. Два человека. Один не имеет права входить без другого. Эфирная сеть замечает движение через закрытую границу и подаёт сигнал. Если вы просто повредите дверь, стража придёт раньше, чем вы разберёте ящики.

— Сеть можно обмануть?

Ливия подняла с земли короткую ветку.

— Можно заставить её принять неверную настройку, если знаешь, где связующий и когда его меняют. Но в хранилище я не была. У меня нет плана внутренних узлов. Я обслуживала подъёмные ворота на служебной пристани, только их.

Она провела веткой линию на сыром камне.

— Там проверяют лодку, людей и распоряжение. Эти проверки отдельные. Если печать на распоряжении хорошая, а лодка не та, вас задержат. Если всё совпало, вас всё равно проводят до нужного места. Одних гулять не пускают.

Рива присел возле линии.

— А если предмет уже разрешено перенести?

— Тогда его переносят. По определённому маршруту, в назначенное время, с описью.

— Кто назначает экспертизу до регистрации?

— Канцелярия по запросу уполномоченного лица. Но запрос можно отклонить. Особенно если он появился внезапно и касается изобретения, из-за которого уже посадили человека.

Рива достал карандаш. Ливия дождалась, пока он запишет.

— Ты говорила, три гильдии, — сказал Нико. — Они всегда соглашаются?

— Их люди сверяют друг с другом время и предмет. Если одна откажет, переноса не будет.

— Морозини может получить такое согласие, — сказал Рива. — У неё есть возможность оплатить настоящие разрешения.

— Тогда почему она не оформляет всё сама?

Он не сразу ответил.

— Потому что разрешение на экспертизу ещё не разрешение отдать ей чертежи.

Ливия посмотрела на его карандаш. На мизинце правой руки было чернильное пятно. Оно ушло глубоко в трещинку кожи и не отмылось вместе с остальными следами.

— Вы подделываете бумаги.

— Иногда.

— Допуски тоже?

— Я не подделываю эфирный отклик.

— Бумажные.

Рива убрал карандаш.

— Сейчас вы спрашиваете о моей работе или о будущей?

— О том, кому мне придётся верить.

Нико посмотрел на него. Ливия заметила, что это был не случайный взгляд.

— Да, — сказал Рива. — Приходилось.

— Тогда запишите ещё одно. Если для вашей кражи понадобится перекрыть канал с людьми, меня в ней не будет.

— Мы не собираемся перекрывать канал.

— Вы ещё не знаете, что собираетесь делать.

Он хотел ответить, но передумал. Ливия положила ветку на скамью.

— Мне однажды сказали, что узел выдержит до конца смены. Нужно было только не останавливать подъём, пока идёт лодка старшего мастера. Он торопился на заседание. Я видела нагрев. Всё равно оставила открытым.

Нико опустил глаза на её руку.

— Я знаю, — сказал он.

— А ваш спутник не знает.

Ливия подвинула деревянную накладку. Два правых пальца оставались выпрямленными, хотя она пыталась согнуть их вместе с другими.

— Когда узел треснул, я взялась за зажим. Думала, успею отвести поток. Лодка прошла. За работу меня похвалили. Потом пришла проверка, и выяснилось, что я нарушила правила. Мастеру было важно только то, что его лодка прошла.

Рива посмотрел ей в лицо.

— Мастера зовут?

— Для вашего дела это пока не нужно.

Во дворе некоторое время было тихо. Из красильни донёсся всплеск и недовольный голос работника. На улице кто-то тащил колёса по камням.

— Если вы не хотите участвовать, я заплачу за сведения, — сказал Рива.

— Сколько?

— Три дуката. И ещё, если сможете осмотреть служебную пристань.

Ливия посмотрела на дверь, за которой лежала старая связующая пластина с солью. Три дуката были больше, чем она заработала за последние четыре дня.

— За осмотр включительно, — сказала она. — Я покажу, что знаю. Если после этого решите лезть, обсуждать будем отдельно.

Рива достал деньги. Ливия положила их в карман передника. Он не требовал расписку, и это ей тоже не понравилось.

— Принесите бумагу, — сказала она. — Запишем, за что вы платите.

Он удивился, но развернул свой лист. Ливия указала, что писать. Проверила сумму, предмет услуги и отсутствие обязательства участвовать в переносе. Подпись поставила медленно, поддерживая правую руку левой.

— Кто сейчас обслуживает ворота? — спросил Рива, пока чернила сохли.

— Я не знаю. Мой бывший наставник, мастер Альвизе Градениго, иногда приходит сюда за красителем для меток. Он говорил, что старый смотритель заболел. Но кто поставлен вместо него, я не спрашивала.

— Он поможет узнать?

— Сперва мы выясним, что хотим спросить. Я не стану приводить к нему незнакомых людей с просьбой открыть дворец.

Нико кивнул.

— Правильно.

Рива сложил расписку. Ливия подумала, что он ожидал лёгкого знакомства и теперь старается не показать недовольства. Но предположения о чужом лице мало что значили. В гильдии она уже ошибалась таким образом.

— На служебную пристань нас просто так пустят? — спросил он.

— На внешний причал можно приехать с поставкой. Во внутренний проход — нет. Я покажу снаружи. Если повезёте настоящий товар, дадите смотрителю настоящую накладную. Поддельной с первого раза лучше не начинать.

— Где взять товар?

Нико потёр переносицу.

— Бумагу во дворец привозит Джулия Беллини. Я иногда возил её ящики. Может, у неё есть заказ на завтра.

— Утром спросите, — сказала Ливия. — Только сначала объясните ей, зачем вам её накладная. Она хранит копии.

Рива посмотрел на свою расписку, затем убрал её рядом с остальными бумагами.

— Вы с ней знакомы?

— Достаточно, чтобы не пытаться говорить за неё.

Они вышли через красильню. У прилавка уже ждал мальчик с отломанной скобой. Ливия взяла скобу, проверила металл и назвала цену.

За дверью Нико негромко сказал Риве что-то, чего она не расслышала. Ливия не стала прислушиваться. Работа на столе была понятнее.

Глава 5. Бумажный след

На следующее утро они пришли в мастерскую Джулии Беллини. Двое работников у стены опускали рычаг станка; возле окна молодой наборщик раскладывал буквы по ячейкам. Джулия стояла между ними с раскрытой книгой и ждала, когда наконец сможет услышать ответ Нико.

— На сегодня? — переспросила она. — Сегодня мне нужна лодка. А не три человека, которым интересно на дворец посмотреть.

Маттео оглянулся. Ливия пришла с ними, заперев прилавок и поручив красильщику принимать вещи без обещания сроков.

— Лодка у нас есть, — сказал Маттео.

— У него есть. — Джулия указала на Нико. — Ты кто?

Он назвал себя.

— Слышала. Садиться некуда. Лучше сразу рассказывай.

Маттео не хотел объяснять дело при наборщике. Джулия увидела его взгляд и провела всех в кладовую. На длинном столе лежали перевязанные тюки бумаги. Возле одного был раскрыт лист с одинаковыми отметками вдоль края.

— Двенадцать тюков, — сказала Джулия Нико. — Четыре на прошлой неделе вернули: у канцелярии изменился заказ. Вчера пришёл новый заказ на двенадцать. Сегодня лодочник потребовал плату за два рейса и за простой на проверке. Я отказалась. Если твоя лодка выдержит, можешь взять всё сразу.

Нико проверил нижнюю отметку в накладной.

— Выдержит. Но над крышами не пойдём.

— Не надо. Мне нужна бумага во дворце, а не в воздухе.

Маттео коснулся раскрытого листа.

— Это возвращённая?

— Да. Часть успели разрезать. За неё до сих пор не заплатили.

Он поднял лист к свету. Под волокнами проступало маленькое изображение весов.

— Старый знак.

— Моя бумага, мой знак. Что тебя смущает?

— Во дворец сегодня идёт другой?

Джулия взяла из тюка второй лист. На нём было колесо с шестью спицами.

— Заказчик хотел отличать новые счета от прошлогодних. Из-за него пришлось делать отдельную партию.

Маттео положил лист на место.

— Нам нужно попасть на внешний служебный причал. Ливия покажет, как там проверяют лодки. Накладная останется настоящей, бумага тоже. Мы будем твоими носильщиками.

— За чей счёт?

— Тебе не придётся за нас платить.

Джулия посмотрела на Ливию.

— Опять предлагают что-нибудь починить без разрешения?

— Пока нет, — сказала та. — Я показываю ворота снаружи. За это уже заплатили.

— А зачем они им?

Маттео задержал ответ. Джулия закрыла книгу.

— Мой товар будут принимать от людей, которых видели со мной. Потом придут сюда и спросят, кого я посылала. Я назову каждого. Если это не устраивает, найди другой товар.

— Нам нужны чертежи Ферро, — сказал Маттео.

Наборщик за дверью уронил что-то металлическое. Джулия подождала, пока шум стихнет.

— Склад с бумагою вы выбрали удачно, — сказала она. — Здесь удобно говорить о краже чужих чертежей. Вся работа именно на этом и стоит.

— Их забрали у его семьи.

— И вы вернёте семье?

Маттео рассказал об оплате Морозини, об условиях Ады и об отсутствии плана. Чем дольше говорил, тем хуже предложение выглядело даже для него самого. Джулия слушала, опираясь локтем на тюк.

— Сегодня я могу взять с вас залог за доставку, — сказала она наконец. — Если бумага не будет принята или кто-нибудь начнёт проверять мои книги из-за вас, потери ваши.

— Сколько?

— Четыре дуката. После приёмки верну три. Один — за то, что приеду сама и прослежу, чтобы вы не полезли куда не следует.

— Ты всё равно собиралась ехать.

— Нет. Я собиралась послать работника. Он теперь останется у станка и займётся заказом, который может оплатить его работу.

Маттео выложил четыре дуката. Джулия пересчитала и написала расписку. За последние два дня он потратил двенадцать дукатов. В кошеле оставалось тринадцать. Он не стал подсчитывать вслух, сколько ещё людей может позволить себе нанять.

Пока Нико с работником выносили бумагу, Маттео заметил на полке деревянную доску с вырезанным рисунком лодочного крепления.

— Ты печатаешь чертежи?

— Печатаю то, что можно вырезать и оплатить. Эту доску резали три дня.

— С неё можно сделать сколько угодно листов?

— Пока не износится. Но в плохом рисунке ошибка размножается так же хорошо, как верная линия. Почему спрашиваешь?

— Любопытство.

— За него отдельная цена.

Она накрыла доску тканью и пошла к двери.

«Ласточка» с двенадцатью тюками сидела низко. Нико рассадил людей вдоль бортов, поставил два тюка ближе к корме и попросил Маттео не пересаживаться по дороге. Джулия держала книгу на коленях. Ливия устроилась там, откуда было видно связующий.

На выходе из бокового канала их остановили. Служитель в жёлтом плаще проверил накладную, спросил, почему Джулия отправила другого гондольера, и долго смотрел на Нико.

— Человек, который должен был везти, заболел, — сказала Джулия.

Это была первая ложь за поездку. Маттео отметил её и не вмешался.

Служитель проверил светящиеся нити у кормы, сделал отметку и отпустил лодку. Только когда они отошли, Джулия заговорила снова:

— Если бы я сказала, что мы спорили о цене, он стал бы выяснять, не повезёт ли тот человек вторую часть груза. Пришлось бы разбирать все тюки. А бумага у меня уже пересчитана.

— Ты могла сказать, что просто сменила лодочника, — заметила Ливия.

— Могла. В следующий раз так и скажу.

Нико направил «Ласточку» под мост. Маттео смотрел на задние стены домов и думал, что хороший план должен выдерживать лишний вопрос служителя. Его будущий план пока не выдерживал ни одного.

На внешней дворцовой пристани очередь из трёх лодок двигалась медленно. Впереди разгружали свечи. Ещё одна лодка с бочонками стояла возле отдельной лестницы, но носильщики к ней не подходили.

— Гильдейский запас, — тихо сказала Ливия. — Его принимают другие люди. Нико, держи левее. Под кольцо не заходи, пока не махнут.

Над пристанью висела широкая бронзовая дуга. С неё спускались тонкие цепочки, почти неразличимые в тени. Под дугой стоял человек с короткой палочкой в руке. Он касался ею края лодки, затем связующего, после чего давал знак грузчикам.

Маттео хотел спросить, что именно проверяет палочка, но Джулия толкнула его локтем.

— У тебя вид человека, который считает чужие замки. Смотри на тюки.

Он взялся за край ближайшего тюка.

Когда подошла их очередь, приёмщик пролистал книгу Джулии и насупился.

— Двенадцать. У меня десять.

— Вчера прислали двенадцать, — сказала она.

— У меня сегодняшнее распоряжение.

Он показал строку. Маттео прочёл её, не отпуская тюк. Десять в канцелярскую кладовую; два по отдельному требованию для комнаты сверки. Второе число было записано на следующей строке, но возле него не было отметки о разрешённом месте выгрузки.

— Вот ещё два, — сказал Маттео.

Приёмщик посмотрел на него.

— А ты кто такой?

— От торгового дома Морозини. Помогаю доставить весь заказ.

Он произнёс это достаточно уверенно. Морозини действительно оплачивала его подготовку, но бумажный заказ к её дому не относился. Джулия не стала его поправлять.

— Разрешение есть? — спросил приёмщик.

— На десять. На остальные два у вас требование.

— Без места выгрузки они останутся в лодке.

— Хорошо. Только отметьте на накладной, что двенадцать доставлены, десять приняты, а два не приняты до указания места. С временем прибытия.

Приёмщик уже потянулся за пером, потом остановился.

— Зачем время?

— Чтобы следующий рейс не записали в задержку поставщика.

Джулия открыла свою книгу на нужной странице.

— И простой лодки, — добавила она. — У меня на него отдельная строка.

Приёмщик посмотрел на очередь позади них. Лодка со свечами уже отходила, зато прибыла новая, с мешками зерна. На лестнице показался писец с деревянной дощечкой.

— Пойдите, — сказал приёмщик. — Сейчас выясню.

Он позвал писца. Они коротко поспорили; Маттео разобрал лишь слова «сверка» и «после третьего звонка». Писец ушёл за дверь, вернулся и подписал строку.

— Всё на внешнюю площадку, — сказал приёмщик. — Два тюка отдельно. В комнату их заберут сами. Под внутреннюю арку вам нельзя.

Джулия поставила подпись, дождалась ответной и аккуратно промокнула обе. Маттео поднял первый тюк.

Теперь у них было законное основание задержаться на площадке, пока не пересчитают всю бумагу. Ливия вышла из лодки и встала возле угла, где не мешала носильщикам. Нико держал «Ласточку» у лестницы.

Последние два тюка Маттео отнёс к внутренней стене. Там стояла тележка с ремнями и закрытый ящик для бумаг. На ящике белой краской был выведен номер. Маттео узнал первые цифры: та же серия, что в извещении Ады.

Молодой человек с ключом на поясе подошёл к тележке и велел отступить.

— Это сюда? — спросил Маттео, указав на бумагу.

— Тебе сказали оставить на площадке.

— Оставил. Кому подписать доставку в комнату сверки?

— Никому. Подпись уже дана.

Молодой человек показал ему спину. Маттео вернулся за следующим тюком и больше вопросов не задавал.

После приёмки Джулия забрала свою копию накладной. Ливия что-то записала на маленьком листке, прикрывая его рукавом. Нико проверил верёвку.

— Ты верно подсчитал про простой, — сказала Джулия Маттео, когда они отошли. — Но имя Морозини я в своей книге не оставляю.

— Я ничего не подписывал от её имени.

— Зато произнёс. Ещё раз так сделаешь, сначала предупреди.

Она вернула ему три дуката. Он пересчитал их и положил в кошель. Шестнадцать оставалось на дело, которое ещё не имело ни входа, ни выхода.

— Что-нибудь увидели? — спросила Джулия.

Ливия развернула листок.

— Ворота теперь работают попарно. Первую дугу проверяет смотритель, вторую — человек внутри. А между ними можно держать груз до команды.

— Мы уже знаем, кто внутри, — сказал Маттео.

— Мы видели человека с ключом, — поправила она. — Это ещё не значит, что знаем.

Маттео убрал листок. Имя человека с ключом ещё предстояло узнать.

Глава 6. Две двери

Джулия попросила высадить её у канцелярии. За возвращённую на прошлой неделе бумагу так и не заплатили; теперь у неё была новая накладная и возможность ещё раз поставить вопрос.

Маттео вышел вместе с ней. Нико повёз Ливию обратно к красильне. Договорились встретиться к вечеру у мастерской Ады.

В приёмной пахло шерстяными плащами. Люди сидели на двух скамьях вдоль стены. У дальней двери служитель принимал листы и складывал в разные корзины. Джулия прошла к нему без очереди, но он указал на свободный край скамьи.

— Я вчера была, — сказала она.

— Сегодня тоже можно быть.

Она села рядом с Маттео.

— Здесь не любят старые долги, — произнесла она. — У новых есть дата, а у старых каждый раз нужно искать виноватого.

Маттео посмотрел на корзины. В одной лежали жалобы о поставках, в другой — прошения о доступе. Над второй был прикреплён образец заявления. До него можно было дотянуться, не проходя за стол.

Маттео встал и прочёл.

Запрос на осмотр имущества для экспертизы требовал имени заявителя, основания его права и фамилии специалиста. Отдельно указывалось, будет ли имущество вынесено из хранилища. Под образцом стояла приписка: перенос до регистрации возможен только при распоряжении канцелярии и подтверждении заинтересованных ведомств.

Он спросил у служителя, где получить бланк.

— За столом слева. Одно солдо.

Маттео заплатил. Бланк был обычным листом с заголовком, никакой особой бумаги. Подделывать здесь пока было нечего.

— Если специалист хочет осмотреть предмет в хранилище? — спросил он.

— Пишет, что не требует переноса.

— А если для проверки нужны приборы?

— Пишет, какие. Они тоже проходят опись.

— Если прибор нельзя пронести внутрь?

Служитель оторвался от корзины.

— Тогда просит перенос. Что у вас за предмет?

Маттео мог назвать другой номер, сослаться на ткань, на медный образец. Но настоящую процедуру для нужного пакета это не прояснило бы.

— Чертежи Пьетро Ферро.

Джулия перестала перелистывать книгу.

Служитель некоторое время смотрел на Маттео. Затем достал из нижнего ящика вторую книгу, открыл её и прочёл запись.

— Пакет уже включён в проверку перед регистрацией. Просьбы об отдельном переносе принимаются от наследников, заявителя привилегии или назначенного эксперта. Вы кто из них?

— Помогаю подготовить просьбу наследницы.

— Приносите её подпись и подтверждение родства. Имя эксперта проверят отдельно. Сведения о точном времени выдадут после принятия.

— Кто заявитель привилегии?

— Союз. Вам нужно писать просьбу, а не читать чужое дело.

Служитель закрыл книгу.

— Следующий.

Маттео вернулся на скамью. Джулия дождалась, пока рядом с ними сядет другой посетитель, и сказала совсем тихо:

— Теперь твоё лицо здесь запомнили.

— Зато у меня есть ответ.

— У них тоже. Человек, который помогает наследнице.

Маттео посмотрел на незаполненный бланк. Она была права. Его вопрос не был преступлением, но след оставался. Если Ада подаст просьбу, её свяжут с ним. Если не подаст, вопрос всё равно могут припомнить.

Служитель наконец принял книгу Джулии. Они отошли к другому столу, где писец проверял долги поставщикам. Маттео оставил её ждать и пошёл к дому Морозини.

Синьоры дома не было. Серан встретил его в нижней комнате и выслушал условия Ады. На просьбу подтвердить их письменно он сначала предложил зайти вечером.

— Я ей уже пообещал ответ сегодня, — сказал Маттео.

— Вы торопитесь.

— Срок не я выбрал.

Серан поджал губы, затем достал лист. Оказалось, Морозини заранее разрешила согласовать участие наследницы в испытаниях при условии, что комплект перейдёт заказчице целиком. Серан мог подтвердить сохранение имени автора, право Ады работать над опытным устройством и оплату её труда. Давать разрешение на отдельные копии он не мог.

— Мне пока не нужны отдельные копии, — сказал Маттео. — Нужна работающая машина.

— Тогда это достаточное условие.

Маттео прочёл составленное дополнение. Там было указано, что после сверки Ада получит доступ к чертежам на время согласованных опытов. Ни срока доступа, ни того, кто сможет прекратить опыты, Серан не обозначил.

— Запиши минимум тридцать дней, — сказал Маттео.

— У вас восемь дней на передачу.

— А у неё будет тридцать на работу после неё. Это разные сроки.

Серан подумал и дописал строку. Он заверил лист подписью управляющего. Маттео попросил вторую копию. Серан посмотрел на него с явным неодобрением, но переписал.

Уходя, Маттео обернулся.

— Вы были на опыте Ферро?

— Был.

— Кого привели после него?

— Представителя союза. Ферро требовались средства и материалы.

— А оказался в заключении.

— После обвинения в незаконном обращении с эфиром. Мне жаль, что получилось так.

— Кто его обвинил?

Серан убрал перо в футляр.

— Я не занимался расследованием.

Маттео не стал задавать третий вопрос. Второй тоже, вероятно, был лишним. Он спрятал дополнение к договору в наружный карман, отдельно от старой расписки.

После полудня пришлось вернуться к Фалько. В комнате надзора его продержали почти час. Молодой писец с причала рассказал, что Маттео стоял рядом с Бальди, но спорил с ним и не пытался помешать проверке. Нико тоже успели найти: он подтвердил спасение лодки и назвал лекарский дом, где высадил пассажиров.

Фалько записал всё в книгу.

— Мы пока не установили писца грузового допуска, — сказал он. — Вас будут спрашивать о двух прежних списках. Заказчик прятался за вашим письмом.

— За своим товаром, — ответил Маттео. — Письмо только перечисляло.

— Когда исправляют число тюков, перечисление меняется. Дал он вам письменное распоряжение?

— Нет.

— В следующий раз просите.

Фалько выдал новую записку. Явиться через два дня. До этого решение о запрете выезда оставалось в силе.

Маттео остановился у двери.

— На причале после сигнала грузовая лодка потеряла подъём. Она была перегружена?

Фалько поднял глаза.

— Её тоже проверяют. Почему спрашиваете?

— Рулевой потянул подъём после снижения потока. Я хочу знать, помог бы ему другой заряд.

— Если будет заключение, спросите о нём. Пока его нет.

Маттео вышел. На лестнице пришлось посторониться перед двумя служителями, которые несли опечатанный ящик. Он следил за ним до нижнего поворота. Один служитель шёл впереди, второй сзади. На каждом была отдельная бирка, хотя несли они одну вещь.

У мастерской Ферро уже ждали Нико и Ливия. Ада открыла дверь, прочла дополнение к договору и сразу взяла обе копии.

— Одну оставляю себе, на второй отмечу согласие, — сказала она. — И напишу, что нельзя испытывать машину без меня, пока она не проверена.

Маттео кивнул. Спорить об этом после встречи с Фалько не хотелось.

Ада подписала условие, потом показала бронзовое кольцо. Белая пластина на нём была новой. На полу под рамой стояла жаровня; мехи тихо двигались, подчиняясь тяжёлому рычагу. От кольца тянулись четыре ослабленных шнура.

— Пока оно удерживает только себя, — сказала Ада. — Груз ещё не ставила.

Маттео подошёл сбоку, как она научила вчера. Шнуры действительно провисали. Между кольцом и верстаком оставалась щель толщиной в палец.

Нико присел и посмотрел снизу.

— Связующего здесь нет?

— Осмотри. Только ничего не откручивай.

Он проверил трубы и крепления, заглянул в кожух мехов. Ада не мешала. Ливия стояла возле рамы, держа руки за спиной.

— Поток неровный, — сказала она.

— Я знаю. Каждые десять ходов нужно поправлять здесь.

Ада повернула рукоятку на четверть оборота. Кольцо выровнялось. Ливия подошла ближе, но не коснулась его.

Маттео снял с пояса кошель и положил на кольцо.

— Нет, — резко сказала Ада.

Она убрала кошель прежде, чем он успел отнять руку. Кольцо опустилось одним краем и ударилось о подложенный войлок.

Нико схватил Маттео за запястье.

— Ты слышал: груз ещё не ставила.

— Там шестнадцать дукатов. Я думал...

— Я сначала вешаю известный груз, — сказала Ада. — По одному. Измеряю нагрев. Если сбить положение сейчас, придётся начинать заново.

Она закрыла подачу воздуха к жаровне. Мехи замедлились. Кольцо окончательно легло на верстак.

Маттео взял кошель. Ему было стыдно, и поэтому первым захотелось сказать, что никакого настоящего ущерба он не причинил. Он удержался.

— Больше не буду, — сказал он.

— Лучше спроси, прежде чем делать, — ответила Ада.

Ливия посмотрела на потускневшие пластины.

— Но оно действительно держалось без связующего.

Нико кивнул. Из мастерской не ушёл никто.

Ада проветрила комнату, затем зажгла лампу. На стол легли бланк просьбы, копия договора, уведомление о регистрации и листок Ливии.

— Внутри можно войти только по настоящей части запроса, — сказал Маттео. — Ада подпишет как наследница. Морозини поможет получить согласования. Дальше нам потребуется специалист, которому разрешат сверку.

— Ты? — спросила Ада.

— Нет. Я не отличу твой регулятор от дверного замка.

— Дверные замки проще, — сказала она.

Ливия положила палец на свой рисунок.

— Здесь внешний проход. Здесь внутренний. Смотрители видят друг друга не всё время, но команды записывают. Если вынести пакет, пока оба уверены, что он остался внутри, записи не совпадут. Проверят сразу.

— Значит, не нужно заставлять их считать, что он остался, — сказал Маттео. — Нужно, чтобы они записали настоящий перенос на экспертизу.

— Куда? — спросил Нико.

— В комнату сверки. Там сегодня ждали бумагу. У неё отдельный заказ и, вероятно, отдельный вход для приборов. Это надо проверить.

— И из комнаты уже украсть? — спросила Ада.

— Если удастся отделить пакет от тех, кто его охраняет. Не на пристани, не из запертого хранилища. Во время работы, когда его обязаны открыть.

Ливия развернула листок другой стороной.

— Тогда начинать надо со специалиста. Я не умею читать механические расчёты. И сомневаюсь, что наследницу назначат проверять собственное изобретение семьи.

Ада достала из ящика старое письмо. Бумага была сложена вокруг засушенного листа, которым, видно, отмечали место в книге.

— Отец обсуждал расчёт с мастером Томмазо Венто, — сказала она. — Он составлял заключение для первого опыта. В уведомлении написано, что его пригласят снова.

— Ты его знаешь?

— Видела дважды. Он спорил с отцом и потом согласился только с половиной расчёта. Отец ругался на него весь вечер.

Нико взял письмо за нижний край.

— Нам нужен человек, который честно скажет, почему эта штука упадёт. Мне подходит.

Маттео посмотрел на дату письма. Три года назад. Имя эксперта было известно, но ничего больше они о нём пока не знали.

— Завтра найдём его, — сказал Маттео.

Ада указала на кольцо.

— И проведём опыт. С настоящим грузом. Если хотите пользоваться чертежами, придётся научиться ждать, пока я закончу проверку.

Маттео убрал кошель в карман. Когда Ада начала останавливать установку, он ждал у двери и ничего не трогал.

Глава 7. Не тот человек

На следующее утро Маттео купил чистую рубашу. Старая пахла дымом из мастерской Ферро и лодочным войлоком, на котором он спал. Нико не пустил его ночевать в своей комнате: там и без гостей едва помещались кровать и ящик с одеждой. Зато разрешил закрыться в лодочном сарае.

Рубаша обошлась в половину дуката. Ещё столько же ушло на еду, чистую ткань для руки и мелкие платежи по дороге. Маттео оставил пятнадцать дукатов в кошеле и начал отдельный лист расходов. Получалось не так внушительно, как он ожидал, но именно это ему требовалось помнить.

За Адой он пришёл рано. Она уже разложила на верстаке грузики, проверила новые шнуры и приготовила пустую чашу для угля.

— Сначала к Венто, — сказал Маттео.

— К нему раньше полудня лучше не приходить.

— Тогда начнём с его двери. Пусть сердится, пока мы ждём.

Ада надела чистый передник поверх рабочего платья. Маттео подождал, пока она запишет положение рукоятки на бирке и погасит жаровню. Она оставляла всё так, словно вечером проверять установку будет другой человек.

Томмазо Венто жил возле церкви, в доме с узкой лестницей. Женщина, открывшая дверь, сначала решила, что они принесли лекарство. Когда Ада назвала себя, она нахмурилась и пошла спрашивать хозяина.

Маттео посмотрел вверх. На третьей ступени лежала подушка, а выше к стене была прилонена пара костылей.

Венто принял их в спальне. Он сидел в кресле, вытянув правую ногу на табурет. Стопа была перевязана и выглядела вдвое толще левой. На коленях лежала книга. Пальцами он держал страницу так крепко, будто посетители могли отнять и её.

— Ада, — сказал он. — Ты выросла.

— Мне было двадцать два, когда вы приезжали.

— Значит, я забыл.

Он посмотрел на Маттео.

— А это кто?

— Помогает мне подать просьбу о проверке чертежей, — ответила Ада.

Маттео поклонился. Венто не предложил стульев.

— Поздно подаёте.

— Нам вчера объяснили порядок, — сказал Маттео. — Заявление успеют рассмотреть до регистрации. Если специалист подтвердит необходимость.

Венто перелистнул страницу и сразу вернул её обратно.

— Если подтвердит. Ты принесла расчёт?

Ада покачала головой.

— Его забрали. Осталась часть модели. Я хочу, чтобы вы её посмотрели.

— Гильдии назначили сверку. Я получил уведомление. Значит, смотреть будут.

— Кого назначат вместо вас? — спросил Маттео.

Венто прижал ладонь к опухшей стопе. Лицо у него поморщилось.

— Ещё не знаю.

— Мы можем привезти сюда небольшой образец, — сказала Ада.

— Здесь спальня.

— Или помочь вам спуститься и доехать до мастерской.

— Мне нельзя наступать на ногу. И нельзя греть её. Лекарь велел лежать.

Маттео положил бланк на край стола.

— Вы можете составить письменное основание для переноса. Устройство здесь, расчёт во дворце. Сравнить их, не сведя вместе, трудно.

Венто взял бланк и прочёл заголовок. Затем поднял глаза на Маттео.

— Кто платит?

— Торговый дом Морозини.

— Мне или тебе?

— Мне. Ваша работа будет оплачена отдельно.

— Обещали, что я подтверждаю?

— Нет.

Ада стояла возле двери. Маттео заметил, что она перестала мять край передника.

— Я читал прежний расчёт, — сказал Венто. — Там неверно учтена нагрузка на зубчатое колесо. Твой отец ответил, что сделает запас. Я спросил, из чего он сделает запас. Из надежды?

— Он изменил толщину зубьев, — сказала Ада.

— И увеличил массу. Её тоже надо поднимать.

— Он это учитывал.

— Учитывать можно по-разному.

Ада сделала шаг к столу.

— Последних листов вы не видели.

— Поэтому и не могу ничего подтвердить.

Маттео подвинул бланк чуть ближе.

— Вы подтверждаете не исправность. Необходимость экспертизы перед передачей права. Для неё расчёт нужно открыть.

Венто снова посмотрел на него. Маттео был уверен, что довод верный. Но уверенность в доводе ещё не означала, что человек захочет ставить подпись.

— Зачем наследнице проверка? — спросил Венто.

— Чтобы выяснить, что именно записано на имя отца, — сказала Ада. — Я не видела описи. В извещении только номер пакета. Если там прежний расчёт, машина будет плохой. Если последний, нужно читать его.

Она достала свою копию извещения и положила поверх бланка.

Венто прочёл. Некоторое время он ничего не говорил. Потом подозвал женщину из соседней комнаты и попросил принести коробку с письмами.

В коробке нашлась копия раннего заключения. Венто показал место, где стояла его подпись.

— Здесь я разрешал опыт только с малым грузом и в закрытой раме. Если кто-нибудь представит это как разрешение на перевозку людей, он будет лгать.

— Я понимаю, — сказала Ада.

— Ты, может быть. Твой помощник?

Маттео кивнул.

— Понимаю.

Венто вернул бумагу в коробку.

— Я посмотрю модель. Если сумею спуститься. Ты пришлешь лодку с закрытым местом для ноги и двух людей, которые не будут торопить меня на лестнице. Вознаграждение пять дукатов за осмотр и заключение. Каким оно получится, таким и будет.

— Сегодня? — спросил Маттео.

— Лекарь приходит к полудню. После него.

— Мы подождём у пристани.

— Внизу есть скамья. На неё можно сесть без разрешения.

Венто отдал бланк обратно. Подписи пока не было.

Они вышли. На лестнице Ада задержалась возле костылей, потом догнала Маттео.

— Он всегда так разговаривает, — сказала она.

— Это не самое страшное, что он умеет.

— А что самое страшное?

— Отказывается писать то, за что платят.

Ада посмотрела на него, но не улыбнулась.

На улице Маттео велел ей идти готовить модель, а сам направился к дому Морозини. Нужно было получить деньги на осмотр, на бумагу для просьбы и на легальную часть разрешений. На этот раз он принёс список, а не общую просьбу о помощи.

Серан прочёл сумму и спросил, зачем тратить пять дукатов на старого человека, который не может ходить.

— Его имя уже в уведомлении. Если придёт другой специалист, нужно будет объяснить замену.

— Замену можно согласовать.

— Значит, согласуйте. Только не рассчитывайте, что я подпишу за него заключение.

Серан поднял голову.

— Вам никто этого не предлагал.

— Тогда мы друг друга поняли.

Управляющий выдал десять дукатов на подготовку: пять эксперту, остальные на сборы и лодку. Маттео записал их на отдельной странице. Деньги не были его заработком. За каждую сумму теперь требовалась расписка.

— Кто получит доступ к расчёту? — спросил Серан.

— Венто. Ада будет при модели. Если понадобится помощник, он назначит сам.

— Наследницу туда желательно не водить.

— У неё есть право просить.

— Право просить есть у многих. Чем меньше людей возле пакета, тем проще работа.

Маттео спрятал лист расходов.

— Если мы принесём не те чертежи, вы тоже скажете, что людей было слишком много?

Серан ничего не ответил.

У причала Маттео нашёл Нико и объяснил, какую лодку требует Венто. Закрытой лодки у Нико не было. Аварийный мешок он купил утром, как обещал, и остаток полученных денег потратил на починку борта. Аренда крытой лодки потребовала отдельной платы и залога, который пришлось внести из основного аванса Маттео.

— Девять дукатов осталось, — сказал Маттео, пересчитав кошелек после передачи залога.

— Шесть вернут, если лодка будет цела.

— Значит, пусть будет цела, — ответил Нико.

— Ты всегда так спокойно говоришь, когда платит другой?

Нико подал ему конец верёвки.

— Сегодня утром я починил борт, который позавчера спасал вместе с тобой. Ты не знаешь, сколько взял медник. А я не спрашиваю, сколько ты получишь, если заберёшь пакет.

Маттео завязал конец. Слова о плате он оставил при себе.

За Венто приехали после лекаря. Спуститься тому помогли Нико и хозяин соседней лавки. Маттео держал ногу на подушке и старался двигаться вровень с ними. На втором пролёте Венто велел остановиться. Все остановились, хотя хозяин лавки уже начал тяжело дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.